

СМЕРШ ★

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

ОЛЕГ ТАРУГИН

ВОЛКОДАВЫ СМЕРША

ТИХАЯ ВОЙНА

МОСКВА
2023

ЯУА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т22

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Таругин, Олег Витальевич.

Т22 Волкодавы СМЕРШа. Тихая война / Олег Таругин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-173038-3

Среди сотрудников СМЕРШа были и те, кто с первого дня войны сражался с врагом. Младший лейтенант Александр Гулькин встретил гитлеровцев на границе 22 июня 1941 г. Его застава продержалась до позднего вечера, сдерживая натиск многократно превосходящих сил, погибнув практически в полном составе. Чудом выйдя к своим, Гулькин оказался в учебном лагере Управления особых отделов, которое вскоре было преобразовано в ГУКР СМЕРШ.

Летом 1943 г. группа Гулькина уже действует на воронежском направлении, выполняя задания командования по взятию языков. У особой группы контрразведки своя «тихая» война — схватки с немецкими диверсионно-разведывательными группами, захват агентов абвера. «Тихая» война, о которой не напишут в газетах фронтовые корреспонденты, но которая не прекращается ни на день, ни на час.

В своем произведении автор показывает методы работы советской контрразведки с вражескими десантами и диверсионно-разведывательными группами, способы взятия языков и межличностные отношения между сотрудниками СМЕРШа.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173038-3

© Таругин О.В., 2023
© ООО «Издательство Эксмо», 2023
© ООО «Издательство Яуза», 2023

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события в определенной степени выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Действующие лица романа и названия некоторых географических объектов также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (forum.amah.gov.ru). Отдельная благодарность Вячеславу Салину, Алексею Владимировичу «Иванову», Алексею Тычкину, Сергею Павлову, Игорю Черепнёву, Владиславу Стрелкову, Александру Оськину, Евгению Попову, Борису Батыршину за конструктивную критику и помощь в работе над книгой. Огромное спасибо, друзья!

ПРОЛОГ

С е к р е т н о. Циркулярно, командирам
ОКР «СМЕРШ» Центрального,
Воронежского, Степного фронтов

«В связи с подготовкой немецким командованием наступательной операции, которая ориентировочно должна начаться в десятых числах июля, в районе значительно возросла активность разведывательно-диверсионных групп противника, преимущественно из числа парашютно-десантных подразделений. Целью является вскрытие мест дислокации советских войск, штабов, складов боепитания и ГСМ, подготовка и проведение диверсий на путях сообщения, железнодорожных станциях и коммуникациях связи. Оперативным частям и отрядам особого назначения «СМЕРШ» принять активное участие в розыске и ликвидации вражеских ДРГ. Особое внимание обратить на захват командиров групп и радистов, являющихся ценными источниками информации. Действовать скрытно, не привлекая излишнего внимания, в том числе со стороны советских войск. Для выполнения задачи разрешено использование любых методов. Командованию размещенных в зоне проведения операции линейных частей Красной армии, военной развед-

ки и контрразведки оказывать любое возможное содействие. К выполнению задания приступить немедленно».

*Начальник ГУКР «СМЕРШ»
комиссар ГБ 2-го ранга Абакумов В. С.
Начало июля 1943 года*

— Чего-то долго они, а, командир? Уж должны были появиться. Может, мы с лежкой прогадали, не там ждем? — Не потревожив ни одной ветки, мамлей Максимов одним коротким движением размял затекшие мышцы, в следующее мгновение снова превратившись в ничем не примечательную кочку на поросшем колючим кустарником краю оврага. Говорил он тихо, практически одними губами — нормальный человек и в метре ни слова не разберет, решит, ветер в листве шебуршит, — однако прекрасно знал, что лейтенант Гулькин его слышит. Разумеется, так и оказалось:

— Лежи себе, не рыпайся, мало ли чего у фрицев по дороге случилось. Задержались, бывает. Другой дороги тут все одно нет, или овраг с нашей стороны обходить, или понизу идти. А понизу да с грузом они идти точно не захотят, сам ведь видел — грязюка чуть не по колено, спасибо ручейку и недавним дождям. Ну а полезут сдуру — все равно услышим, когда на наши хитрушки напорются. Хоть это и нежелательно, тогда по-тихому уже не сработаем.

Слева раздался негромкий, на самом пределе слышимости, тройной металлический стук обушком ножа по пистолетному затвору. Костя Паршин, занимавший позицию в недалеких зарослях на левом

фланге засады, передавал сигнал: «Внимание, вижу противника». Вот и гости долгожданные пожаловали, напрасно Макс так переживал. Вышли в точности туда, где их и ждали. Вот и хорошо, не придется за ними по лесу бегать. Хотя что тут леса — не Белоруссия, чай, где он два года тому впервые с фашистскими гадами столкнулся, и даже не подмосковные леса, где с парашютистами познакомиться довелось...

Аккуратно поведя биноклем, старший группы без труда обнаружил показавшихся на противоположном краю не слишком глубокого, но достаточно широкого оврага «гостей». Один, два, три... пять. В точности как им и сообщили, когда в середине ночи по тревоге подняли: пятеро парашютистов выбросились перед рассветом примерно в десяти км отсюда. Предположить, куда пойдут и где их можно перехватить, было уже делом техники. Благо местность знакомая, неоднократно хоженная-перехоженная, а кое-где и на брюхе исползанная. Да и карты имеются. А уж работать с ними их туго учили, ночью разбуди — ни одного условного обозначения не перепутают.

Гулькин подкрутил колесико фокусировки, приглядываясь.

От прыжковых комбинезонов и ребристых, словно танкистские шлемы, наколенников фрицы уже избавились, оставшись в серо-зеленой униформе с объемными карманами и высоких прыжковых ботинках на толстых резиновых подошвах. Подсумки с запасными магазинами перевесили с голени на ременно-плечевые системы, облегчив ноги

для долгого перехода. Головы прикрывают затянутые матерчатыми чехлами десантные шлемы без краин — чтобы не сорвало воздушным потоком во время прыжка и не запутались стропы раскрывающегося купола. Под охватывающие каски полоски ткани вставлены свежесломанные ветки с еще не успевшими засохнуть листочками.

Вооружены все автоматами, знакомыми до последнего винтика «МП-40», которые и осназовцы с удовольствием использовали при необходимости; у двоих оружие висит поперек груди, пистолетной рукояткой вправо, у остальных — вдоль туловища стволом вниз, под правой рукой. Все правши? Однозначно. Да и кобуры специального «десантного» образца тоже подвешены под рабочую руку. Что ж, прекрасно, значит, правильную позицию заняли. Из прочего оружия — по крайней мере, того, что на виду, — засунутые рукоятками за поясной ремень гранаты и ножи. За плечами четверых — объемные ранцы, нужно полагать, с взрывчаткой, дополнительными боекомплектами и пайками, у пятого, самого крупного из всех — угловатый короб портативной рации. Так, с этим ясно. Кто командир? Экипировка у паршей¹ практически одинаковая, так сразу старшего и не определишь. Скорее всего, третий, он и постарше будет, и ведет себя соответствующе. Вон как только что идущего первым диверсанта за что-то отчитал — аж морда на миг праведным гневом пе-

¹ П а р ш (жаргон частей ОСНАЗа времен Великой Отечественной войны) — парашютист (возможно, парашютист-шпион). Встречается, к примеру, в романе В. О. Богомолова «Момент истины».

рекосилась. Да, точно он, нечего и гадать. С такого расстояния знаки различия, конечно, не разглядишь, но сомнений практически не осталось. Все, начинаем...

— Макс, передай ребятам, работаем по обычной схеме. Командир идет третьим, радист — замыкающим. Этих, кровь из носу, брать живыми. Остальных — в расход или как получится. Начинаю я, ориентир — как только они вон до той березки дотопают. Первые двое — мои. И чтобы без лишних телодвижений! Не расслабляться, фашист еще свеженький и полный сил, только второй переход, даже не вспотели пока всерьез. На все про все — две минуты. Максимум. Желательно в одну уложиться. И глядите, чтобы гости в овраг не ломанулись, догоняй их потом по грязи. Замерли, ребяташки, ждем сигнала.

Немцы шли грамотно, так запросто и не подберешься — заметят. И дистанцию правильно выдерживают, и за флангами с прочим тылом приглядывают со всем тщанием. Поэтому старлей и выбрал для засады именно это место. Хочешь не хочешь, а пробираясь сквозь густые колючие заросли, немцы в любом случае ослабят внимание. А после выйдут на небольшую полянку, с трех сторон ограниченную все тем же кустарником. Где они их и примут, атаковав справа, — не зря ж он именно тут бойцов разместил. Преимущество, конечно, небольшое, крохотное даже, но в подобных играх та доля секунды, которой паршу не хватит, чтобы ствол на нужный угол повернуть, порой целой жизни стоит.

Зашевелились ветви, и идущий первым диверс осторожно выглянул на открытое место. Поднял

сжатый кулак, подавая товарищам знак остановиться. Огляделся, настороженно зыряка глазами из-под среза надвинутого по самые брови шлема. Гулькин ждал, привычно слившись с землей: дело обычное, если нужно, и часами может так лежать. Бывали моменты, знаете ли.

Наконец гитлеровец решил, что все в порядке, и разрешающе отмахнул ладонью, первым выходя на поляну. Поправил висящий под рукой автомат, скорее инстинктивно, нежели по надобности. Коротко передернул плечами, возвращая на место съехавшие лямки зацепившегося за колючие ветки ранца. До молодой березки, лениво шелестящей тронутой летним зноем листвой, ему оставалось метров пять, не больше. Приготовились.

Палец лейтенанта беззвучно отвел назад ребристое колесико курка «ТТ», локоть левой руки коснулся рукояти засунутого за ремень трофейного «вальтера». Нормально, при первом рывке не выскользнет, а дальше уж и неважно станет, поскольку счет пойдет на доли секунды. Да и не придется им много стрелять, если все нормально срастется. И одного магазина хватит. Автоматов ни у кого из осназовцев не было, только пистолеты или — по желанию — револьверы, порой оснащенные глушителями «брамитами»¹. Особенность профессии, так сказать: офицер, постоянно таскающий с собой в тылу «ППШ» или тем паче трофейный «машине-

¹ «Б р а м и т» («Братья Митины») — советский прибор бесшумной и беспламенной стрельбы («глушитель»), названный по фамилии разработчиков, братьев Митиных. Производился двух типов, для револьвера системы Нагана и трехлинейки.

пистоль», порой вызывает ненужное внимание со стороны окружающих, пусть даже они трижды бойцы Красной армии. А ненужное внимание — самое последнее, о чем мечтает сотрудник особой группы СМЕРШа, знаете ли! Потому пистолеты предпочтительнее: один в кобуре, как и положено по форме, другой (или другие)... Да где угодно, собственно, лишь бы в глаза не бросался.

Напрягшись, словно взведенная боевая пружина, Гулькин в крайний раз проиграл в уме партитуру будущей схватки. Вроде все в порядке, должно нормально срастись. Возьмут фрицев как миленьких, куда денутся. Лишь бы новенький, младший лейтенант Васютин, не напортачил, все-таки впервые на задание идет. На тренировках вроде бы хорошо себя показал, а как на деле будет? Вот сейчас и поглядим. Плохо только, что Антону достался именно радист — уж больно здоровенный, сволочь, настоящий бугай. Но изменить уже ничего нельзя, согласно плану замыкающий именно на нем.

Парашютист сделал шаг, другой. Следом выбрался из зарослей, раздраженно потирая оцарапанную веткой щеку, второй. У этого «МП-40» висел на груди, на присобранном, чтобы оружие не болталось на уровне пуза, ремне. Сейчас появится командир группы — и можно брать. Первый как раз до березки дотопаёт. Да и остальные на открытое место выползут. Дотопал, вражина. Пора!

Оттолкнувшись опорной ногой, лейтенант Саша Гулькин, позывной «Птица», взмыл с земли, раскидывая маскирующие лежку ветви. Следом рванулись еще три такие же размытые и очень быстрые тени,

облаченные в «лохматые» самодельные масккостюмы, надетые поверх обычной двухцветной «амебы». Заметив боковым зрением движение, парашютист начал было разворачиваться в сторону столь неожиданной опасности, но было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Пистолет в руке Александра коротко дернулся, выплевывая стреляную гильзу, и гитлеровец, взмахнув руками, начал заваливаться назад, отброшенный почти полутонным ударом. На пару сантиметров ниже среза каски, аккуратно на уровне переносицы, темнело совсем небольшое, почти незаметное на первый взгляд отверстие.

Продолжая движение, лейтенант кувыркнулся вперед, плечом подсекая колени второго номера. Фриц охнул от неожиданности, отмахнул автоматом — и когда только успел сорвать с плеча? Неплохая реакция — и полетел мордой вниз. В точно отмеренный момент напоровшись грудью на выставленный Гулькиным нож разведчика, заточенный до бритвенной остроты. Диверсант сдавленно булькнул, выгибая дугой спину, — и обмяк. Сашка отпихнул труп — ну да, уже именно труп, поскольку попал, куда и планировал, лезвие вошло точно между четвертым и пятым ребром слева — и рывком бросил собственное тело в положение для стрельбы с колена. Впрочем, помогать пацанам не понадобилось — все тертые, не первый перехват, ага. Ну, кроме новичка, разумеется. Максимов, в прыжке подбив командира группы под колени, крутанул в горизонталь, заплетя ноги, и сейчас уже восседал на спине, грубо заламывая тому руку болевым прие-

мом. «Хоть бы кисть не сломал, — мельком подумал Гулькин. — Нянчись потом с увечным».

Паршин, двумя выстрелами завалив четвертого, бросился на помощь товарищу. Судя по тому, как падал подстреленный фриц — вглухую, одна пуля в голову, другая в грудь. Да и не промахиваются такие, как они, с нескольких-то метров. Даже в движении, даже из самого немыслимого и неудобного положения. Идущий в арьергарде радист, в отличие от камрадов, имел в распоряжении чуть больше времени — секунды полторы, если так прикинуть. Прянув в сторону, он одним движением сбросил на землю рацию, сорвал с плеча «машинепистоль» и успел дать в сторону Васютина — четвертого бойца особой группы — короткую очередь. Одна из пуль дернула рукав комбеза, другая чиркнула по шее, но это уже ничего не могло изменить: сбив пытавшегося нырнуть обратно в заросли противника с ног, младлей навалился сверху, обеими руками схватив автомат за ствол и пистолетную рукоять и прижимая оружие к груди фашиста. Из пробитой шеи осназовца хлестала кровь, заливая камуфляж. Но немец ожидал чего-то подобного: ударом выставленного перед собой колена отбросив раненого бойца, он попытался подняться на ноги. Вражеский автомат Васютин так и не выпустил из рук, ухитрившись сорвать с плеча диверсанта ремень.

Паршин, глухо выругавшись, поднял пистолет, собираясь стрелять, причем явно не по конечностям. Но лейтенант, заорав: «Не сметь!», успел первым, прострелив фрицу голень. Нога подломилась, и тот снова рухнул на землю, подвывая от боли.

На этом короткий, продлившийся не дольше минуты, бой и закончился.

— Осмотреться, — прохрипел Гулькин, пряча оружие в кобуру и бросаясь к раненому. — Макс, пленных пакуй. И подстреленного фрица перевяжи, уходим быстро, пять минут — и нас тут не было.

Подскочив к лежащему на спине Васютину, с размаху плюхнулся на колени, дергая из кармана перевязочный пакет. Что дело плохо, он и без того видел: простреленный навывлет бицепс — фигня, достаточно обычной тугой повязки. Но вторая пуля, судя по всему, перебила сонную артерию, вон как беднягу кровью заливают. Зажав ладонью окровавленную шею товарища, рванул зубами обертку индпакета:

— Костя, ко мне. Помоги.

Вдвоем с Паршиным кое-как перевязали товарища, вроде бы остановив кровь. На курсах оказания первой помощи их учили, что в подобной ситуации нужно наложить своего рода жгут, но так, чтобы не передавить артерию с противоположной стороны. Поэтому, закинув руку со здоровой стороны за голову, наложили давящую повязку через подмышку. Вроде получилось, но в благополучном исходе лейтенант уверен не был: Васютин уже потерял сознание, да и кожа его бледнела буквально с каждой секундой. Потеря крови и болевой шок, мать их. А до своих, кстати, почти три кэмэ по пересеченке... Дотащат ли? Еще и радист ранен, а так мог бы помочь. Ну твою ж мать! Так все здорово начиналось, и немцев точно вычислили, и взяли практически идеально. Что ж Васютин так лопухнулся-то? С другой сто-

роны, не особо Антон и виноват: кто ж знал, что радист именно замыкающим пойдет, а не в середине? Гулькин, когда бойцов размещал, специально «молодого» крайним поставил. Думал, завалит своего — и все. А парню пришлось на захват идти, импровизируя на ходу.

— Костя, помоги Максу. Ранцы прошмонайте, если что ценное — забираем с собой. Остальное бросить. Трупы осмотреть — и в овраг, вещи, стволы — туда же, замаскировать ветками, по возможности вернемся позже, заберем оружие и мелочовку. Иди, я пока пару слег срублю, носилки из фрицевских плащ-палаток сделаем.

— Думаешь, донесем? — Паршин был мрачен, словно туча.

— Если сильно повезет, — буркнул Александр, с остервенением оттирая окровавленные ладони о траву. — Очень сильно. — И сдавленно рявкнул, теряя терпение: — Бегом давай, время теряем!

Следующие несколько минут пролетели незаметно. Пленных надежно связали — так, чтобы могли самостоятельно передвигаться, но не более того. Раненому радисту наложили повязку — повезло, пуля прошла между костями голени, не раскрошив ни одной из них, так что идти он мог сам, опираясь на плечо камрада. Больно, конечно, ну да что делать? Жить хочет — помучается немного. Поскольку альтернативы нет — на себе его никто тащить не станет.

Пока товарищи инспектировали содержимое ранцев, Гулькин соорудил из стволов молодых деревьев и пары камуфлированных брезентовых плащ-палаток импровизированные носилки, на которые

уложили так и не пришедшего в сознание Васютина. Рацию навьючили на командира диверсионной группы, тем самым еще больше ограничив его свободу движений: попробуй-ка подергайся с грузом на спине и повисшим на плече едва ковыляющим раненым. Тем более что отлично знающий немецкий Александр сразу предупредил: «Будешь делать глупости — прострелю колени и локти и оставлю в лесу. Живым, возле муравейника. А потом вернусь обратно, посмотреть, что от тебя осталось. Обо всем, что нам нужно, мы и от твоего товарища сможем узнать. Понял, нет?»

Несколько секунд гитлеровец буравил его лицо прищуренными серо-стальными глазами, всем своим видом выражая презрение — еще бы, какой-то унтерменш посмел ТАК разговаривать с истинным арийцем, офицером элитного подразделения.

— Похоже, нет... — с ленцой в голосе протянул лейтенант. И нанес всего один короткий удар сложенной лодочкой ладонью в нужную точку. Немец охнул, ломаясь в поясе, и упал на колени, тщетно пытаясь протолкнуть в легкие хоть немного воздуха. Выждав несколько мгновений, Гулькин захватил его подбородок бурыми от крови пальцами, больно сжав нижнюю челюсть в месте выхода нервов, и запрокинул голову, взглянув в побагровевшее лицо:

— Теперь понял? В глаза смотреть, падаль!

На сей раз поединок взглядов не продлился и секунды — фашист первым отвел глаза и коротко кивнул, потихоньку восстанавливая дыхание. В том, что этот с трудом сдерживавший ярость русский посту-

пит именно так, как обещал, он теперь абсолютно не сомневался.

— Готовы? — Гулькин оглядел товарищей. — Макс, пленные на тебе, гляди в оба. Мы с Паршиным первыми Антона понесем. Меняться станем каждые полчаса. Вопросы? Нет? Тогда вперед. Костя, давай, взяли.

— Взяли, командир. — Паршин первым наклонился к носилкам.

И тут же выпрямился, растерянно заморгав:

— Командир, тут это. Антоха, похоже, того, помер.

Опустившись на колени, Александр коснулся ладонью липкой от начинающей подсыхать крови шеи товарища, не ощутив под пальцами даже самого слабого биения. На всякий случай рассек ножом куртку, приникнув ухом к груди. Тишина. Все, отмучился, бедняга.

ГЛАВА 1

*Младший лейтенант Александр Гулькин.
Июнь 1941 года*

Младлей погранвойск Сашка Гулькин вполне обоснованно считал себя счастливым. Поскольку мог погибнуть еще в детстве, когда вместе с друзьями отправился искать приключений на железнодорожный перегон, где поезда притормаживали перед крутым поворотом. И при должной сноровке можно было успеть забраться на тормозную площадку вагона или платформу и прокатиться с ветерком пару километров. А потом с победным воплем сигануть на скорости с высоченной песчаной насыпи — если правильно сгруппироваться, даже ноги не подвернешь.

Как уж там все произошло, он помнил плохо, поскольку прилично ударился головой и почти месяц пролежал в больнице, но суть была в том, что он сорвался. То ли нога соскользнула с ржавой ступеньки, то ли рука подвела, не успев ухватиться за поручень, но он полетел под колеса, напрямик в щель между соседними вагонами. Но в тот день ему немислимо повезло: зацепившись плечом за лязгающий неумолимым прессом буфер, упал аккуратно между рельсами. И поезд прогрохотал поверху, лишь запорошив распластанное на шпалах тело угольной пылью и унеся неведомо куда почти новую кепку.